

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Графиня Суровая

Не так страшен
генерал, как
генеральша

Галина
ГОНЧАРОВА

Галина Дмитриевна Гончарова
Графиня Суровая
Серия «Ветер времени», книга 1
Серия «Попасть в историю.
Фантастический переплет»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74020327
Графиня Суровая / Галина Гончарова: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-248220-5

Аннотация

Попасть под машину в двадцать первом веке – и очнуться в восемнадцатом? Так себе попадание. Была восемнадцатилетняя Варя – стала Варвара Ивановна на четвертом десятке. Хорошо хоть княжна. Плохо все остальное: полное безденежье, двое детей, вечно отсутствующий суровый муж-войка, который хочет развода, папенька-транжира и братец-алкоголик. На троне Екатерина Вторая, Европа вот-вот полыхнет революцией, и что тут прикажете делать? Ну, для начала, попытаться наладить отношения с супругом. Правда, сделать это будет непросто – граф Суворов менять решения не привык. Да-да, тот самый. Впрочем, и с таким противником он еще не сталкивался...

Содержание

1	4
Пролог	6
Глава 1	20
Глава 2	52
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Галина Гончарова Графиня Суровая

1

Серия «Попасть в историю. Фантастический переплет»

Иллюстрация на обложке *И. Кругловой*

© Гончарова Г.Д., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Кости и карты, слезы и смех.

Боли и радости хватит на всех.

Что нам готовит рулетка-судьба?

Будет покой – или борьба?

Пророк не предскажет, что ждет впереди.

Кости упали.

Иди.

– Варька, хватит валяться! У тебя какие планы на вечер?

Симпатичная девушка лет восемнадцати шевельнулась на кровати, повернула к подруге голову. Темная длинная коса свисала до пола, к счастью – недавно вымытого, и укладывалась на розовую тапку с помпоном. Смуглая кожа, карие глаза, личико сердечком, слегка испорченное высоким лбом и длинным хрящеватым носом – если и не красива, то оригинальна.

– Не знаю пока. Поваляюсь, киношку посмотрю. Новый сериал вышел про Наполеона, красиво снято!

– Тебе что – заняться нечем? – искренне возмутилась подруга.

Для беспристрастного взгляда, эта девушка была симпатичнее. Светлые волосы, большие серые глаза, пухлые губы, почти кукольное личико. Дело немного портила ее фигура. Сразу было видно, что девушка любит хорошо покушать

и уже сейчас обладает пышными формами. А лет через десять? Ее обхватить удастся? Или только перекатить?

– Света, тебе чего надо?

Варя с трудом оторвалась от подушки и уселась на кровати. Самое хорошее время, предновогоднее. Сессию она уже сдала, досрочно и на отлично, а это приятно. Домой – не собирается.

На работу завтра не надо.

Можно валяться и смотреть сериалы, а потом поспать в свое удовольствие. А тут Светка чего-то прилипла? Что ей не так?

– Варя. – Глаза блондинки сверкнули хищными огнями. – Ты можешь со мной сходить вечером?

– Куда и зачем?

– Меня Нинка пригласила. Она сегодня днем позвонила, у нее такая, б... ситуация...

– Све-та!

Этот тон Светлана отлично знала. Не смотрите, что Варя выглядит безобидной кнопкой, если разозлится – мало никому не покажется.

– Ладно, ладно! Ты помнишь, Нинка встречается с Романом?

– Роман – дырявый карман, – меланхолично срифмовала Варя. – И что?

– У Ромки друг из армии пришел.

– И что?

– Отмечать будут.

Варя сощурилась.

– При чем тут мы? Пусть бухают в мужской компании!

– Это получится пьянка.

– А с нами еще и на баб тратиться не надо? – Варя не любила прятать суть за красивыми словами. – За б... платить придется, а нас добрая Ниночка просто так приглашает? За салатик и стакан дешевого пойла?

Света уперла руки в бока.

– Варька, ты... дура ты!

– Вот и топайте без меня, чего вечер портить.

Варя сочла, что разговор закончен, и потянулась за наушниками.

Сдалось ей такое веселье! Лучше уж Наполеон и Жозефина, чем какая-то дембельская пьянь, которая баб год не видела. Точно, нажрутся и приставать будут, оно ей надо? Не надо.

Света наушники коварно утащила.

– Варя, тусовка будет на квартире у Лехи.

– А он тут при чем?

– А ему в армию идти. Вот, опыт перенимает, слушает, как себя там вести...

– И что?

– Варь, все будет тихо и мирно, это ж центр города. Просто я одна пойти не могу, Нинка просила с собой хотя бы двух девчонок привести. Лучше – трех.

– Телефон эскорта пусть найдет – сами придут.

– Варька, им эскорт не нужен.

– Правильно, им платить придется. А ты, дура, на халяву попрешься.

– Слушай, от тебя отломится?

– Сотрется.

– Вар-р-р-р-ря!

– Пф-ф-ф-ф-ф.

– Варь, ты сходи со мной, а потом просто удерешь по-тихому. Катька уже идет, мы хотели еще Тamarку взять, но у нее дни такие, она в нас тапкой кинула.

– И помогло? – Варя заинтересованно посмотрела на тапочку. Жалко, конечно, но ради благого дела... она даже перед ней извинится. Потом.

– Варя, ты пойми, нам главное – прийти. Посидим, поболтаем, ты просто пожрешь и свалишь по-тихому, а мы останемся... наверное. Или нет, посмотрим. Но парней-то искать надо! Год остался, потом из общаги попрут, и куда? Обратнo в Издольский район?¹

Варя спорить на эту тему не собиралась. Она и в район не собиралась, все равно возвращаться особо некуда, родители бухают по-черному, бабка померла, а у дядьки своих семеро по лавкам, племяшка ему не нужна. Спасибо уж и на том, что не гонял, пока маленькой была.

И так в семье бывает, родится такое, что ни в мать, ни в

¹ Название автором вымышлено. (Здесь и далее – прим. авт.)

отца, а кусок говнеца. Вот у Варвары так и получилось. Нормальная деревенская семья, мать, отец, пятеро детей, из них четверо нормальных, двое дядек работяги, один в деревне остался, второй на север подался, на вахты, на квартиру зарабатывает, может, и останется там...

Две тетки – тоже нормальные. Одна в городе, у нее двое детей, семья хорошая, вторая в Москву уехала, у нее тоже семья, дети, ипотека...

А вот Варин отец работать не хотел. Классический Иван-дурак. Не хочу учиться, хочу жениться! Поработать – так его не найдешь, а погулять да выпить – он первый. И жену себе такую же нашел. Дед за голову схватился, сына срочно отселлил, надеялся, что тот за ум возьмется, да куда уж! Варя как раз третий ребенок, двое старших уже с отцом бухают, а ей такое поперек горла встало.

То к деду с бабкой убежит, то к дядьке, ну не хочется ей в болото! И выпивку не хочется, и вниз катиться... если она домой вернется, этого не избежать. Там она Варька, дочь Ваньки-алкаша. А в городе, может, и удастся ей справиться.

Тетка уже обещала ее приютить ненадолго, конечно не просто так. Но ведь и у Вари руки нужным концом приделаны, она за добро отплатить сможет. Только Светке об этом рассказывать незачем.

– Светик, ты меня достала!

– Варь, ну правда, ну сходи с нами!

– Ага, а потом зимой да по темноте плюхать! Еще и

скользко сейчас! Светка, отвали! Мне еще навернуться не хватало!

– Я тебе лично такси оплачу!

– Слово? – сощурилась Варя.

– Слово... идешь с нами, часа два посиди – и сваливай, мы за это время отлично определимся, кто и с кем. А ты домой поедешь... можешь на моем ноуте посмотреть свой сериал!

– Спасибо, – вздохнула Варя.

Ноут был и у нее, но старый, почти совсем убитый, с маленькой оперативкой и медленный, как древняя черепаха. И за такой-то спасибо! Двоюродный брат отдал, все равно ноут на антресолях пылился, а ей и этого не купить сейчас.

Но «Ворд» и «Эксель» он тянет, статьи копировать и сохранять можно, с курсовыми работать, даже почитать что-то, ну и чего больше?

Фильм она и на телефоне посмотрит... но на Светкином компьютере, конечно, лучше. У Вари денег на интернет не хватает, а у Светки безлимит...

– А раз спасибо, давай вставай! Тебе еще накраситься надо!

Варя посмотрелась в зеркало.

– Не надо.

Внешность у нее очень удачная. Волосы непонятно-темные, зато длинные, коса толстая, ниже попы. Глаза темно-карие, брови и ресницы свои, черные. Подкрашивать ничего не надо. Тоже экономия, с дешевой косметикой выглядишь

чучелом, а на дорожную деньги надо – Варя столько не зарабатывает!

– Хоть губы подкрась, чучело!

– Светка, отвяжись! Тебе же лучше, ты на моем фоне будешь смотреться!

Света только головой покачала.

Дура эта Варька! Как есть – дура, ей реальный шанс предлагают парня найти, в городе зацепиться, а она не бежит сломя голову?

Дура!

* * *

Квартирка оказалась вполне приличной трехкомнатной «панелькой», комнаты небольшие, но отдельные, а вот мебель старая. Ремонта тут и вовсе лет двадцать не было.

Алексей, симпатичный парень лет двадцати двух, приветливо кивнул девушкам:

– Девчонки, хорошо, что пришли. На стол накрыть можете?

Варя сказала бы, но... с другой стороны, ей ли церемониться? Хоть поест спокойно, пока будут резать – ставить – относить. Денег не так уж много, питаться приходится то картошкой, то макаронами, а хочется и чего-то вкусенького. Но когда выбираешь между банкой тушенки и новыми колготками, когда на ботинки по полгода копишь...

Спорить Варя не стала. Еще и решила, если найдет консервы, утащить себе пару баночек. Компенсация называется.

За бездарно потраченное время.

В комнате тем временем кто-то разговаривал.

Варя аккуратно мазала бутерброды, резала овощи, помогала все красиво раскладывать, поломала несколько куриц гриль и невольно прислушивалась. Телевизора на кухне не было, так что... очень быстро стало ясно, что столкнулись два мировоззрения. Те, кто считал, что уважающий себя мужчина должен служить, – и те, кто считал необходимым косить. И уступать не собирался никто. До драки еще не доходило, но огрызались с обеих сторон вполне агрессивно.

– У России два союзника – армия и флот! Служить вообще должен любой нормальный мужчина!

– Ага, любой, кто откосить не сумеет!

– Наполеон говорил, кто не уважает свою армию, будет кормить чужую².

– Уважать! Да я там чувствовал, что тупею!

– Еще сильнее? Ты сходи проверься, – посоветовал все тот же голос. Это что еще там за любитель кирзовых сапог нашелся?

Варя слизнула с пальца капельку соуса. Почему-то накаатило раздражение.

– Сам проверяйся. Что за идиотское желание – помереть на войне? Самоубийца, что ли?

² Точно не известно, но приписывается Наполеону. И в таком виде – тоже.

– А кто тебя, фефективного менеджера, защищать будет? Ты вот что умеешь? Правильно, по клавише тапать и в телефончике зависать, на порносайтах. Ремонт в квартире делать – мастера вызовешь, морду на улице бить начнут – удерешь с визгом. Ты хоть раз задумывался, что армию нам не просто так об... рали со всех сторон? Врагам выгодно, чтобы мы на своих защитников свысока смотрели, чтобы им денег толком не платили, в девяностые все разваливали, до чего могли дотянуться!

– У нас тогда половина генералитета – враги.

– А что удивляться? У нас в девяностые столько гнили вылезло! Чудом страна уцелела, главнокомандующему спасибо!

– Нигде еще не сказано, что уцелела! И уцелеет! Ты ж видишь, вся Европа...

Варя подхватила блюдо и понесла в комнату. Интересно же. То Светка носилась с тарелками, а она резала-раскладывала, а это вот, сама решила. Кто тут такой интересный?

– Европы той – муху по карте размазать! Дрянь на дряни, не петух, так крыса, не понимаю, почему мы все время их щадили? Еще при Петре надо было бить, не жалея...

– Париж загнивает. Но при этом пахнет Шанелью, – произнесла Светка.

Дурой-то она не была, и разговор поддержать умела. Вставить броскую фразу, заинтриговать, обратить на себя внимание. А там уж – дело техники.

Парень... скорее, молодой мужчина, обернулся и посмотрел на нее с насмешкой. Симпатичный?

Да, пожалуй, невысокий, светлые волосы с забавным хохлом на макушке, большие голубые глаза, этакий «вечный мальчик», Варя такие никогда не нравились.

– Чем сейчас пахнет Сена – можете любой биотуалет обнюхать. Разницы не заметите. И раньше она так же пахла, на весь Версаль ни одного туалета не было.

– Именно поэтому русская аристократия нанимала учителей-французов. Если Толстого почитать, там через слово французская вставка, глаза сломаешь! Не иначе, от бескультурья.

Чем-то этот человек Варю раздражал. Бесил...

– Дурной пример заразителен. Нашли с кого собезьянничать, с революционеров, вот потом Россия и полыхнула.

– Декабристами? – сощурилась Варя.

– Разве нет? Нахватались, идиоты, а сами вообще не знали, как страной управлять.

Варя про декабристов думала и того хуже, но дух противоречия толкал на подвиги.

– Простите, граф, не узнала. Или князь? Вы-то уж точно знаете, КАК Россию обустроивать, не знаю только, кем работаете. Таксистом или парикмахером?³

– А вы, девушка, в какой роли подвизаетесь? – не уступил парень. – В актрисы метите или в топ-модели?

³ Ф. Миттеран. Цитата не точная.

– Варька? – Лешка выступил, как всегда, некстати. – Са-
нёк, она у нас швея-мотористка. Как и Светик!

И заржал, как конь.

Обычно на такие выступления Варя отвечала, что пусть
Лешенька сначала трусы снимет. Сшитые такими же, как
она. И крестик наденет... Помогало. Но сейчас Лешка уже
принял на грудь, да и компания поглядывала снисходитель-
но... как тут отступить?

– Ах, швея, – протянул тот же светленький. – Значит, бу-
дущий модельер, не иначе? Великий?

Варя пожалела, что поставила блюдо с курицей. Смотрел-
ся бы ты, гад, с грудкой на ушах... хотя – нет! Курицу жалко.
За нее деньги плачены.

– Всю жизнь мечтала, – пропела она. – Сделать новый про-
ект формы для армии. Мне кажется, вам бы голубой цвет
пошел... или розовенький, со стразами.

Мужчина ехидно улыбнулся.

– Что еще от бабы и ожидать. Главное ж, чтобы гламурно
было!

– Конечно, – согласилась Варя. – И элегантно.

Мужчина явно понял, что над ним издеваются, но тут
Светка вмешалась, грохнула на стол несколько бутылок...

Спор, подогретый спиртным, разгорелся чуть позднее, и
с еще большей силой.

– Да если бы не армия!

– Вы бы хуже воевали, мы бы лучше жили! Давно б Евро-

пой были!

– Вообще бы вас не было! В концлагерях бы сгноили!

– Про концлагеря ты мне не рассказывай, – вон, Сталин полстраны пересажал!

– А Хрущ выпустил! Причем такое на свободу вышло, что до сих пор икается!

Варя поглядывала на часы. Потом потихоньку встала и вышла в другую комнату, вызвать такси. Вошла в приложение, дождалась отзыва и отправилась уже в прихожую, одеваться.

Хотела.

Спор выплеснулся громко и вовсе уж некрасиво.

– То-то на тебя ни одна баба не западает! Кому охота – ждать, и на копейки жить, и детей одной растить? Вон, даже Светка, даже Варька... уж на что швей-мотористки! Варька, вот ты замуж за военного хочешь?

Варвара, у которой с минуты на минуту должно было приехать такси, думала недолго.

– Нет.

– Вот, видишь?

– Нашел у кого спрашивать! У бабы, которая продаваться по дешевке изволит, – фыркнул Санёк.

– Тебе я все равно не по карману, – отрезала Варя, – и будь уверен, продамся дороже. А ты себе найди какую-нибудь дуру, которая будет рога наставлять, пока ты бухать будешь от тоски. И поделом.

Ударила она по больному, парень побледнел.

– По себе всех не судят. А у меня все будет отлично!

– Уже вижу. То-то с тобой сюда ни одна девчонка не пришла. И кто пришел, знакомиться не рвется. – Пискнул телефон, и Варя решительно накинула капюшон. – Все, привет демократии, салют демагогии! Светик, я поскакала!

Света, которая уже давно висла на Димке, даже не обратила на это внимания. Подруга никого не нашла? И что? Зато у нее все клеится, да и Нинка довольна, а Варька...

У каждого – свое.

Алексей и Александр переглянулись.

– Такси вызвала?

– Надо бы хоть номер записать...

Да, как это ни печально, но когда молодая и симпатичная девушка садится в такси, которое называют еще и «шайтан-машиной», могут возникнуть коллизии. Так что парни переглянулись, и Александр помчался вниз по лестнице. Хоть дуру в такси посадить, чтобы проблем не было!

Пусть дура, пусть взгляды у них не совпадают, но женщина все равно... нельзя ее просто так, на произвол судьбы, неправильно это. Кто-то ж должен быть умнее.

Варя стояла возле подъезда, топала ногой; в ситуацию вмешались коммунальные службы, которые перекопали двор, и машина была вынуждена объезжать ямы и рытвины. Вот и задержалась.

Шум она, конечно, услышала, обернулась – и оказалась лицом к лицу с тем самым, вихрастым.

– Тебе чего еще?

– Да ничего. В такси тебя посажу и номер запишу.

Варя отлично понимала, что это правильно, что ей же так спокойнее будет, но... какой черт толкал ее под руку, кто дергал за язык?

Бывают же люди, которые ничего еще не сделали, но тебе они неприятны? Вот, у нее такое чувство и было к этому... Саньку!

– Отвали по-хорошему! Сама разберусь!

– Много таких разобранных по посадкам находили!

Такси подъезжало, Варя топнула еще раз ногой!

– Отвали!!! Иди на ...!!!

Александр сделал шаг вперед, Варя отшатнулась, под ногу попала очередная провокация коммунальщиков, девушка взмахнула руками... и начала падать назад. Под такси, в желтый свет фар; последней картиной, которую успел ухватить разум, было лицо Александра, который тянулся вперед, вперед, к ней... кажется, он хотел ее поймать, но – не дотягивался. Это не кино, тут сантиметры имеют значение, поздно, все поздно...

Боли даже не было.

Просто тяжесть – и мрак, мрак, мрак...

Глава 1

Москва, 1784 год. Август

– Александр, здравствуй друг мой.

– Андрей.

Мужчины обнялись и троекратно расцеловались в обе щеки. Смотрели они при этом несколько настороженно, но понять можно.

Оба они связаны одной и той же женщиной. Один – обманутый муж. Второй – любящий брат. И оба подозревали, что легким разговор не будет.

Но начинать-то надо!

Андрей Иванович Прозоровский его и начал, аккуратно после сытного, но достаточно простого обеда. Впрочем, чего в гостях перебирать?

Сашкины чудачества всем известны, и привычка его спать чуть ли не на соломе, и питаться грубой пищей, и в храм захаживать... ладно-ладно! Андрей и сам богослужениями не брезговал, когда ранее спать не ложился.

А бывает и так, всю ночь прокрутишься по балам и приемам, а утром едешь мимо храма, ну и зайдешь к заутрене, а уж потом отсыпаться, честь по чести. Но за Сашкой такого не водится.

Понятно, Вареньке с ним тяжело было. Но чтобы уж снова...

– Саша, понимаю, что говорить об этом тебе тяжело, но Варя приехала к отцу вся в слезах. Слегла, плохо себя чувствует. Говорит, что вы расстались, и в этот раз навсегда.

– Все верно, друг мой.

– Саша... ведь мирили вас пару лет назад. Ну что опять-то? Как так?

Может, сказано было и не очень понятно, но Александр Васильевич Суворов понял и прикрыл обычно яркие, а сейчас словно пылью дорожной присыпанные голубые глаза.

– Андрей, не могу я так! Не могу!

– Саша?

– Варя мне опять неверна. Ладно, один раз, я поверил, что ее случайно сбил с пути мой племянник, но второй-то раз! Сейчас-то она зачем?

Зачем...

Ответ у Андрея Прозоровского был, только собеседнику он не понравился бы. Чего уж там... столкнулись два мира, привычка к умеренности и стремление к роскоши, строгость и беззаботность, легкость и тяжеловесность. И, предсказуемо, не получилось ничего хорошего.

«Они сошлись, волна и камень, стихи и проза, лед и пламень...» – поэт еще не написал этих строчек, но они таки сошлись, только с той разницей, что ударили друг в друга два огня. И – спалили друг друга дотла.

Это Андрей и видел в глазах своего шурина.

И Варя сейчас лежит, словно мертвая, в комнатах.

– Она в тягости.

– Это не мой сын.

– Ты можешь знать так точно?

Не мог, конечно. Но сомневался и колебался.

– Знаю.

– Ты их... застал?

– Нет. Но и того, что я знаю, мне достаточно.

– Так может, и не было ничего?

– Ее любовник сам хвастался в собрании, и письма ее показывал, рука там Варюшина.

И вот это горькое «Варюшина» сказало Андрею больше, чем что-либо другое.

Любит.

И горюет, и больно ему сейчас, и старается он эту любовь вырвать из сердца... скорее всего, ему это удастся со временем. Но...

– Саша, я понимаю, что ты оскорблен, и обижен, но... что говорит сама Варя?

– Варя никогда не могла мне лгать. Пыталась, конечно...

Увы, и это тоже. Варвара Ивановна Прозоровская не отличалась высоким интеллектом, и пойманная на вранье, заливалась мучительным румянцем. Андрей всегда мог понять, когда она лгала, так и Александр не глупее.

– То есть просто слова. И ты готов разрушить ваш брак вторично⁴.

⁴ Других подробностей история не сохранила. По кустам любовника не гоняли,

– Третьего раза я не выдержу, Андрей.

И такое лицо было у Александра, что Андрей понял. И пожалел.

Ему и первый-то раз тяжело было простить, с его умом, гордостью, самолюбием, с его характером, который из хилого и болезненного юноши сделал блестящего военного. А второй раз каково?

Это при том, что он отчетливо понимает, будет и третий, и четвертый... Варя не плоха, она просто так воспитана. Она даже не поймет, в чем проблема, и пожмет своими белоснежными плечами. Она же не запрещает мужу любовниц и амуры на стороне? Так почему не дать ей немного свободы?

Что она такого делает? Все вокруг так поступают, и отец, и мать, и вообще... ВСЕ!

– Саша, а что будет с Наташенькой?

– Я определил ее в Смольный. Лично поговорил с Софьей Ивановной, Наташа будет там на особом положении.

– Смольный!

Об этой идее императрицы Андрей слышал. Только вот прекрасно понимал, что вырастить идеальных жен... нет, не получится.

Можно дрессировать как угодно, но потом, когда девушки получают свободу, начнется... да что-то страшное начнется! Огурец когда попадает в рассол – просаливается. Не бывает такого, что раствор становится пресным от попавшего в него

огурца.

Так и тут.

Скорее, наоборот, попав в легкомысленное общество, большинство девушек радостно отбросят все привитые им нормы и правила и жадно кинутся в пучину удовольствий. А строгая изоляция на девять лет, которой их подвергают, закончится тем, что они не научатся разбираться в людях. И попадутся на крючок к первому же подонку.

Вслух Андрей этого не сказал, просто покачал головой.

– Ты сломаешь ее. Саша, остановись!

– У меня нет выбора, Андрей. Одной сестре я ее не доверю, вторая сама отказалась.

– Я...

– Варвара?

Андрей вздохнул.

Отказать сестре видеть дочь он не мог. И равно не отказал бы племяннице в визите к матери.

– Я не хочу, чтобы Наташа выросла такой же лживой и легкомысленной, как ее мать. Я ее люблю.

– Ты ее погубишь⁵.

– У меня нет другого выбора, Андрей. Ты останешься у меня погостить?

– Если тебе не в тягость будет меня видеть?

⁵ Увы, брак Суворочки, как называли дочь А. В. Суворова, действительно не был счастливым. Она вышла замуж за жиголо и подонка. Зато красивого и светского.

– Нет, что ты. Я рад твоему приезду.

Андрей кивнул.

– Может, неделя или две, ты не будешь против?

– Я буду рад. Иногда становится тяжело... Скажи, ты не откажешься передать записку своему отцу?

– Конечно. Что ты хочешь?

– Верну ему приданое Варю... Варвары. Пусть живет как знает, я не вправе более им распоряжаться.

– Я понимаю. Я передам.

– До зимы я поживу в имении, а потом поеду в полк. Я написал прошение в Синод, но ответа пока не получил.

– Скорее всего, тебе откажут. Ведь ты не сможешь привести свидетелей, никто не признается в прелюбодеянии...

– Тогда кинусь в ноги императрице. Буду умолять! Я так больше не хочу. Не смогу.

– Что ж. Я не скажу, что я это одобряю, но я поговорю и с отцом, и с Варварой. Хотя ей сейчас плохо, она тяжело носит ребенка.

– Два раза она детей скидывала.

– Она жаловалась, ей тяжело в постоянных походах. Но она старалась, Саша, она старалась.

– Ноша оказалась ей не по силам.

– Да.

А где-то в Москве, в доме князя Прозоровского, лежала женщина. Лежала и даже почти не капризничала, сил не было ни на что. Ни на крики, ни на истерики...

Ребенок ворочался под сердцем, а ей было просто плохо. Не душевно, а физически.

В двадцать первом веке сказали бы – сильный токсикоз третьего триместра, осложнения на сердце, сосуды... да там бы врачи с несчастной не слезли и госпитализировали до родов!

А здесь лечили пиявками и припарками.

Порошками и пилюлями из неизвестных науке зверей. Или, наоборот, слишком хорошо известных.

Только вот не помогало.

Ей было ни до кого.

Отец, брат, муж, дочь... все было безразлично сейчас Варваре. Она просто ждала, когда ее мучения закончатся.

* * *

Сознание вернулось резко, одним ударом. Вот ее не было, а вот Варя уже ощущает боль, ощущает, что лежит на чем-то мягком, память возвращалась медленно, по капле.

Квартира, идиотский спор, тот белобрысый дурачок, такси...

Она и правда упала? Ох, елки-иголки! Это плохо. Нет, даже не так. Это – ПЛОХО!

Варя в этой жизни может рассчитывать только сама на себя, и должна она быть со всеми конечностями, целая, не больная, желательно не изуродованная. Ей еще работать и

работать. И семью создавать, и детей рожать!

Дети...

Сын и дочь...

Подсознание вильнуло хвостом, хотя Варя точно была уверена, что никаких детей у нее нет.

Варя открыла глаза.

Открывались они, надо сказать, с трудом. И ощущения были – словно ее грузовик переехал. Больно.

А это – что?

Стоило немного приоткрыть глаза, как они распахнулись уже на полную. Варя могла увидеть над собой беленый потолок больничной палаты. Порыжевший от времени потолок общаги. Но такое?

Ее кто-то в Эрмитаж затащил? Шутнички фиговы!

Здоровущая кровать ощущалась как полный провал. Ортопедический матрас? Нет, не слышали. Ощущение было отвратительное, Варвара словно тонула в этом мягком. Золоченые столбики были искусно вырезаны из дерева, над кроватью висел балдахин... как швея, Варя могла оценить и сложность, и стоимость.

Она себе такой не позволит никогда. Даже если у нее найдется пара лишних миллионов – все равно нет! Роскошно, шикарно, безумно расточительно! Одна ткань чего стоит... Видно в полумраке было плоховато, но, кажется, это парча?

В полусумраке (нормальную лампочку вкрутить нельзя было?) виднелись очертания каких-то громоздких предме-

тов. Кажется, тоже с позолотой?

– Никак, очнулись, барыня?

Варя окончательно выпала в осадок.

Кто? Что?

Она бы и спросила, но пересохшее горло отказывалось воспроизводить нормальные звуки, наружу вырвался только хрип.

– А вот сейчас я водички подам, испейте!

Варя послушно ждала, пока в поле ее зрения появится тетка лет пятидесяти, или даже того больше. Сильная рука помогла приподняться, отчего боль снова пробила всю нижнюю часть тела, к губам поднесли чашку, и Варя принялась пить. Вода была ледяная, вкусная, без малейшего привкуса или запаха хлорки, она отметила это машинально. Задержала взгляд на женщине.

Та тоже выглядела странно.

Темные волосы густо пересыпаны сединой, лицо в морщинах, теплые карие глаза глядят участливо и спокойно, руки, такое ощущение, никогда не слышали о маникюре. Одежда?

Платье самое простое, без украшений, серое, сверху фартук, полотно достаточно грубое, домотканое – винтаж? Ноги Варя не видела.

– Еще водички подать, барыня? Али лекарство, медикус оставил?

– Воды...

Свой голос Варя тоже не узнала. Раньше голос у нее был

достаточно высоким, звонким, сейчас же было что-то ближе к контральто. Глубокое, грудное... с сильной поправкой на отвратительное самочувствие.

Все равно – это был не ее голос!

Варя перевела взгляд на свое тело. И прикусила губу.

Грудь точно была не ее. У нее был минус первый размер, и вообще, она худая и тонкая. А тут под одеялом просматривается крупная дамская тушка. Грудь торчит... тут размер четвертый, а то и пятый, не меньше. Сильно закружилась голова.

Варя вцепилась в единственную доступную ей реальность – и приникла губами к чашке с водой.

Холод чуточку прояснял мысли, – жаль, нельзя попросить воды ей вылить на голову. Или...

– Умыться бы...

Женщина строго закачала головой.

– Никак вам нельзя, барыня! Медикус строго запретил, сказал, ежели оправитесь от горячки, то лежать вам еще месяц. А то и кровь пустить придется. Я барину скажу, что вы опамятовались, так он, может, за ним еще раз пошлет.

Варя внимательно вслушивалась в речь.

Это явно русский язык, только какой-то... архаичный? Она все понимает, но сам выговор, ударения, опять же, вот это – барыня? И намек, что где-то рядом еще и барин бродит?

Жизнь в семье алкоголиков приучает и быстро сообра-

жать, и помалкивать, и чувствовать людей, да хоть по шагам предугадывая настроение взрослых, и вообще – дураки в таких семьях не выживают. Варя не просто выжила, она смогла окончить школу, хоть и без медали, но с хорошими результатами, она поступила в техникум после одиннадцатого класса, причем сама и на бюджет, она уже отучилась два года, ей осталась самая малость и диплом, она уже подрабатывает в ателье, и ее собираются там оставить, она уже начала прощупывать почву насчет снять комнатку...

Мозги у нее не просто были – они использовались по назначению!

Так что Варя прекрасно понимала – происходит что-то неясное. И выбрала самый простой вопрос.

– Сколько я лежу?

Откинувшись на подушки, оглядевшись, заметила в углу здоровенные часы. В человеческий рост, золоченые, с маятником – такие на человека уронишь, в них же и похоронишь, вместо гроба сойдут!

– Да уж, почитай, неделю, как рóдили...

– Б...!

Другого слова Варя подобрать не смогла. Она тут еще и рóдила? Это что за квест? Она не подписывалась! Верните ее обратно, в родную общагу с тараканами! Да что там, она даже на клопов согласна, но – родных!

Хотя, кажется, и тут они тоже есть? Чего-то у нее чешется...

Женщина смотрела с опаской, и Варя прикрыла ресницы. Требовалось очень тщательно подбирать формулировки, чтобы не погореть. Впрочем, ей не привыкать. С родителями тоже так приходилось. И не только с ними!

– Какой день сейчас?

Вопрос логичный, не должна женщина удивиться.

– Да уж двадцать четвертое сегодня, матушка.

Двадцать четвертое – чего?! Но тут Варя спрашивать не рискнула, дата – понятно, но месяц-то поменяться не должен?⁶

– Ребенок?

– Жив-здоров сыночек ваш, уж и батюшка Онисим приехал, окрестили Аркадием! Аркадий Александрович Суворов, барыня! Красиво так! Батюшка ваш лично крестил, все присутствовали, и братец ваш, Андрей Иванович, были, и супругу вашему знать дали...

– И что супруг?

Мозг работал, анализировал, прикидывал варианты.

Кто считает, что швеи обязаны быть глупыми? Хорошо. Они глупые. А вы возьмите журнал с выкройками, пересчитайте их на свою фигуру и сшейте красиво себе хоть юбку! Уже засомневались в своем героизме?

То-то же!

Пока Варя могла точно сказать, что она тут барыня (уже

⁶ Автор берет юлианский календарь, введенный Петром I, и даты считает от Р. Х., чтобы не было лишней путаницы.

хорошо, до 1917 года любой, кто не был баринном, стоил весьма дешево), что она явно у родителей и что у нее есть муж.

И где этот, безусловно, достойный человек? Жена родила, жена неделю в горячке, а от него ни слуху ни духу?

Развод...

На всплывшее слово Варя внимание обратила. Развод? Посмотрим...

Суворов?

Что ж, фамилия ее известна. Имя мужа...

Варя откинулась назад на подушки.

Александр... Суворов?

Брат – Андрей Иванович. Отец – Иван... кто?

– Нет пока ответу, барыня. Батюшка ваш гневаться изволил.

– Сына... хочу видеть.

Тоже логичное требование. Но почему так удивленно смотрит тетка?

– Я сейчас, барыня.

– Хочу, – надавила голосом Варя. Ей требовалось время полежать и осмыслить происходящее.

Служанка вышла. Варя проводила ее взглядом и откинулась на подушку. Пощупала материал. Лен, с вышивкой, не пришло еще время шелковых простыней? Или наоборот?

Ах, неясно, ничего не ясно! Между прочим, она и вот это затеяла, чтобы увидеть хоть кого-то! По платью служанки ничего не скажешь, а история костюма у них была. Варя учи-

ла.

Кто-то другой мог позволить себе прогуливать, валять дурака, надеяться на авось. Варя получала повышенную стипендию, и эти крохи были ей важны. Более того, она понимала, что пробиваться придется самой. Не бывает для нее лишних знаний! Ни капли!

Долго ждать не пришлось, в комнату степенно вошла тетка неохватных объемов. Если у Вари в этом теле была полноценная четверочка, то тут, наверное, восьмерка, не иначе. Кормилица?

Логично. До аптек и смесей дожить надо, а если мать в горячке, так ребенку-то все равно кушать надо? Варя уже поняла, что это явно не ее время.

Почти такое же серое платье, белый фартук поверх него. Материя грубая, но чистая, – нет, клопов тут нет. И вшей нет. Пахнет... да, тетка пахнет молоком, хлебом, чем-то кисловатым, но не воняет. И в руках ее кулечек из кружев.

– Сын...

Шепот вышел вполне себе слабым и страдающим. Кормилица тут же растянула губы в улыбке (стоматологов тут явно нет) и заворковала сладеньким голосом:

– А вот и барин наш, Аркадий Александрыч. А кто это у нас такой хорошенький? Кто такой крепенький?

Перед Варей оказалось лицо недельного ребеночка. Малышей она не слишком любила, но и не боялась, поэтому улыбнулась. Протянула руку (больно, но терпимо), коснулась

детской щечки.

Ребенок приоткрыл сонные глаза.

– А вот наша мамочка, – заворковала кормилица, – вот наша барыня Варвара Ивановна, любимая, ну-ка, посмотри...

Чего там смотреть? Ребенку пока только тепло нужно...

– Кушает хорошо?

– А то как же, барыня. Кормим, пеленаем, крепыш такой, да голосистый.

Варвара Ивановна. Суворова.

– Береги его. – Варя откинулась на подушки. – Я пока... плохо мне... ты сына побереги.

Женщина выпрямилась.

– Как есть исполню, матушка-барыня.

– Иди...

Кажется, пока все правильно, потому что бабы были спокойны. Варя откинулась на подушки, пытаясь собрать мысли в кучку.

Пока служанка закрывала двери, подняла с покрывала руку, еще раз осмотрела – крупную, пухлую, со следами от перстней, и прикрыла глаза.

Кажется, она попала.

* * *

Лежать было больно и неприятно, внизу болело, вверху тоже подергивало, слабость, головокружение, тошнота – все

в комплекте. Может, именно из-за паршивых ощущений Варя и не страдала духовно? Вот уж воистину: задница болит – голове легче. Наоборот, вроде как, тоже, но сейчас ей не до душевных страданий и переживаний. Выздороветь бы, чтобы перестало так все дергать, уже радость будет!

Но допустим, она не загнется от горячки и встанет на ноги. А дальше-то что?

На ногах же не просто у кровати постоять, на них куда-то идти надо. А куда?

Варя задумалась. Размышления помогали отвлекаться от очередного приступа головокружения.

Что ж, свое имя она знает. Она – Варвара Ивановна Суворова. Спасибо хоть сразу сказали, люди добрые. Что еще она о себе знает?

Имя отца, мужа, сына. Брата. Знает, что был тут какой-то медикус, что лечили ее кровопусканиями.

Что с ней случилось?

После всего того потока фантастики и фэнтези, который хлынул на рынок, Варя особо не дергалась. Кажется, она попала? Ну... а может, и такое бывает? Никто ж не возвращался, не говорил, как там, после смерти? В своем родном мире она попала под такси, в этом мире умерла Варвара Ивановна. И душа Вари из двадцать первого века попала именно сюда.

Допустим.

Первый попаданец, если брать «Янки при дворе короля Артура», попал вообще всей тушкой. Да-да, Варя знала, кто

это такой, и ничего тут нет удивительного. Дома родители, ужратые в хлам, у бабки-деда ей всегда работу находили, а где можно побыть спокойно? Да в школе!

Просто так слоняться не дадут, а если в библиотеке си-дишь, так и ничего. И домашку спокойно можно сделать, и почитать чего дадут. Библиотекарь, она же по совместитель-ству и учитель литературы и русского языка, Варю и приохо-тила к книгам.

Варя и читала.

Что-то с компьютера, что-то просто так; конечно, фанта-стика и фэнтези ей нравились больше Чехова и Достоевско-го, а детективы были интереснее Толстого, а вот сейчас она об этом и пожалела.

Хоть знала бы, что и куда.

Хотя примерно она и так догадывается.

Если это ТОТ Суворов.

А если не тот?

Варя откровенно не помнила ничего о личной жизни из-вестного полководца. Вот вообще.

Вроде как Париж он брал, Измаил брал, турок пинал, по-ляки его очень не любят, в Италию ходил, при Екатерине был первым полководцем, при сыне ее попал в опалу, да так и умер? Учебники истории на этот счет откровенно слабова-ты⁷.

⁷ Варя чуть путает факты, но, учитывая, сколько у нас безграмотных (иначе и не скажешь) учебников по истории, это неудивительно.

Полководец он, конечно, великий. Это хорошо. А все остальное?

Семья, дети, внуки? Тишина...

Почему?

Что было неладно у полководца в личной жизни, почему так скромно молчат историки? Может, в другой версии она должна была умереть при родах, да и ребенок ее мог не выжить? А в этой – попала в тело ее душа?

М-да, попала...

Одно утешение, что дворянка. А в остальном – внешность пока неизвестна, но явно не хрупкая фея, возраст тоже явно за двадцать, и еще леший его знает, какие болезни идут в комплекте с тушкой. Зубы... нет, вроде зубы все целы. А кариес?

Вот кариес есть в любом мире, при любых властях и во все года, а лечить его тут как? Зубы драть?

Ох, как все печально-то!

Зубы надо чистить. Жаль, она не медик, а то открыла бы тут свой кабинет. Но – нет. Крови Варя не боялась, но и не любила, а больные... не хватало у нее терпения ухаживать за кем-то. Просто не тот характер. Поэтому, кстати, и в медколледж не поступала.

Варя была практична. Она понимала, что специализация ей нужна вечная, чтобы всегда кормила. А что люди будут делать всегда? Есть. Пить. Лечиться. Одеваться.

Вот, с медициной не срасталось. С «есть-пить»... Варе го-

товить нравилось. Но не массово, а для себя и под настроение. Одно дело – взять какой-нибудь симпатичный рецепт и сделать все для себя, а другое – вкалывать у плиты всю жизнь, конвейером. Нет, на такое она не способна.

А вот одеваться...

Швейная машинка – штука не громоздкая, не семнадцатый век. Ее всегда можно взять с собой, везде поставить, практически везде, а шитье... не платья, так штаны, не штаны, так шторы, не шторы, так ремонт – работа найдется, только не ленись и не перебирай! И в декрете можно работать, и в любой точке планеты, и сопутствующих умений у Вари хватало. Да-да, в колледже были курсы, только не ленись посещать, а Варя не ленилась. Она и макраме умела, и вязать, и вышивать, в том числе и лентами, и даже к кружеву примерялась, но времени не хватило. Из бисера плела, золотом по бархату и то шила, научилась!⁸

Эх, невыгодный попадос. Вот другие, как приличные люди, попадают к драконам, или там магам, и сами бонусы получают, и омолаживаются так, что поп-звезды завистливо плачут в уголочке. А она чего?

А у нее, кажется, все плохо.

Ну и ладно, могло быть и хуже. Тут у нее хоть в родне алкоголиков нет? Зато, судя по балдахину, есть деньги. Много. Это плюс, а остальное – разузнаем и наверстаем.

⁸ Автор лично осваивала данные премудрости за копейки в Доме пионеров. А то и бесплатно.

А пока – лежать и выздоравливать.

Варя устроилась поудобнее и прикрыла глаза. И тут же провалилась в сон.

* * *

Милый мой батюшка!

Умоляю Вас забрать меня отсюда!

Здесь темно и страшно, и принуждена я жить в комнате с несколькими десятками других девочек, отчего не могу нормально спать. Кормят тут ужасно, и я уже несколько раз простужалась, потому что сквозняки в здании немилосердные!

Батюшка, прошу, ежели осталась в Вас хоть капля ко мне милосердия, не оставляйте меня тут! Девочки тут пустые и злые, и невозможность остаться наедине с собой даже во время молитвы убивает меня.

Я вынуждена во всякое время притворяться, во всякое время лгать, равно как лгут и нам. Пусть говорят, что воспитывать нас должно лаской, глаза у них злые, и им нет до нас никакого дела!

Ах, есть девочки, которые из совершенного сиротства обретут здесь свое счастье, но у меня есть Вы, мой отец, и есть маменька, и я умоляю Вас!

*Заберите меня отсюда, мне плохо здесь, плохо, ПЛОХО!!!
Молюсь о Вас ежедневно и ежечасно*

Что самое страшное в болезни? Не знаете?

А вот Варя сообразила. Самым жутким был информационный голод.

Для человека двадцать первого века, который и в туалете не расстается с телефоном, умудряясь и там проглядывать ленту новостей, просто лежать и болеть было невыносимо! Ни почитать, ни послушать...

Варя взбунтовалась на третий день.

Отец, кстати, так и не пришел ее навестить, это давало повод для подозрений. Кажется, папе наплевать на дочку? И брата она не дождалась.

Сына, по ее приказанию, приносили два раза в день, Варя клала его рядом с собой, лежала, привыкала. Это – ее малыш. Молока у нее не было, наверное перегорело, так что кормилица пока останется. Кстати, выгодная сделка. Роды она не помнит, а ребенок есть. Хоть что-то хорошее; Варя читала, что рожать – больно.

Кормилица и служанка переглядывались между собой, но лишнего не говорили.

Чудасит барыня, ну так и пусть ее. Не дерется, никого на конюшне пороть не велит, вот и ладно. А что к ребенку тянется, так мать же... может, и у нее какая любовь есть?

Живой же человек?

Малыш тоже привыкал к матери, узнавал родной запах, голос...

Но этого же мало! МАЛО!!!

Так что Варя потребовала газету.

Исходила она из простого принципа. Если есть страна, будут и газеты. И можно из них почерпнуть хоть какую информацию.

Ага, размечталась!

Реформы образования Варя не учла и, получив в свои руки «Санкт-Петербургские ведомости», смотрела на них, как баран на новые ворота.

Увы.

«Еры», «яти» и прочие весьма нужные буквы просто рябили в глазах. Единственное, что «порадовало», и то весьма сомнительно, это дата.

Ну, здравствуй, восемнадцатый век. На дворе стоял август. Конец августа 1784 года.

Получив эту информацию, Варя опять задумалась.

Даты она учила, хотя бы в первом приближении, и кое-что помнила.

Сейчас на троне Екатерина Вторая. Это хорошо, она не дура, и страна при ней жила... ладно, более-менее стабильно? Кажется... или нет?

Войны точно были. С турками были, Суворов куда-то ходил через Альпы, в Париж ходил!

О, Париж!!!

И не в смысле романтики и красоты. А в смысле... Великая, елку ее палкой, французская революция! Бастилия пала? Пала! И аккурат в 1789 году. То есть через пять лет?

А потом... упс!

Потом будет беда.

Наполеон-с!

Вот о чем Варя отлично знала, так это о корсиканце. И нет, ничего хорошего она о нем сказать не могла. Великий человек?

Может быть. Только вот Варя знала о нем, что от Наполеоновских войн в России умер каждый шестой человек. Триста тысяч военных, русских военных, а сколько мирных людей? Убитых, умерших от голода после «реквизиций»? Их кто считал?

Нет?

Крестьяне еще нарожают?

Нарожали. И память оставили.

Допустим, Варя дворянка, ей проблемы не грозят, но... все равно неприятно. Начнем с того, что у нее тут ребенок. И муж. И вообще, она должна такую пакость, как Наполеон, оставлять своим детям?

Варя серьезно задумалась.

Кто знает, что бы она решила и что придумала, мимоходом листая газеты и с боем продираясь сквозь орфографию восемнадцатого столетия, но сомнения женщины раз и на-

всегда развеял ее папенька. А именно – князь Иван Андреевич Прозоровский.

Варя пока еще не вставала, разве что до ночной вазы и обратно. Видимо, потому папенька и решил навестить неразумную дочь. Вошел, опираясь на трость, опустился в кресло.

Мебель жалобно скрипнула.

Иван Андреевич был одет по-домашнему, как было принято говорить – неглиже. Варя легко опознавала и жилет, и шлафрок, учила в истории костюма. Правда, мех... это соболя? И бархат, и золотое шитье, – стоит шлафрок, похоже, весьма и весьма дорого. Да и сапоги на ногах у папеньки, даром что домашние, расшиты золотом и украшены явно не стразами Сваровски, не родился еще Даниэль, еще лет сто до его рождения.

Парика папенька не надел, и Варя отлично видела «три седые волосинки в два ряда». Кровать достаточно высокая, а вот кресло – низкое. И папенька ростом с сидящую собаку.

Весь обвислый, брылястый, дышит как загнанный мопс, и вообще чем-то на мопса и похож. Собака-то симпатичная, а вот папеньке не повезло.

Сидит, смотрит. Может, Варя должна что-то сказать?

Ладно.

– Поздорову ли, папенька?

Папенька мощно прочистил нос и соизволил заговорить.

– Мужу твоему я отписал сразу же по рождении сына. И

получил наконец ответ⁹.

Варя смотрела молча.

А что тут скажешь? Дай почитать?

– Сына он своим не считает, тебя видеть не хочет. Дура! Дочь твоя направлена им в Смольный под личное руководство мадам де Лафон. Прощение его в Синоде, конечно, отклонят, развода у вас не будет...

Варя молча слушала.

Картина получалась нерадостная.

Кажется, она – то, что в двадцать первом веке ласково называют «светская бледи»? Простое название домыслить тоже несложно. Папенька разошелся и метал громы и молнии.

Понятно.

Если б блудящая дочка померла при родах, можно было бы и сына папеньке его протолкнуть или вообще объявить его мертвым, чего там! Крепостным больше, крепостным меньше!

Дочка не померла. И даже шашни свои скрыть от супруга не смогла, так что муж ребенка признавать не готов. Прощение о разводе он подал, но это уж вовсе позор для всех Прозоровских, Иван Андреевич с кем надо пошепчется, и развода не будет.

⁹ Рыбкин, Николай. Генералиссимус Суворов. Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность: по вновь открытым источникам за 1783 и 1797 годы и местным преданиям его вотчин / издал Н. Рыбкин. – Москва: типография Ф. Иогансон, 1874. По его уверениям, Суворов в то время находился в своей Ундольской вотчине, т. е. примерно 140 верст от Москвы.

Варя сосредоточенно размышляла.

– Где же мне жить...

Отец засопел еще сильнее.

Дочь ему нужна была в доме примерно как таракан на макушке, но ведь дочь же! Не выгонишь! В имение ей хода нет, Алексашка с ней разводится и видеть ее не хочет, в городской дом – тоже...

– Покамест у меня поживешь. Там посмотрим...

Варя кивнула. И принялась благодарить папеньку за его любовь и милосердие. Усердно благодарить, пока папенька не заулыбался. А что?

Ласковое слово – оно и кошке приятно, не то что отцу.

* * *

Варя приходила в себя достаточно долго. Обычно она не болела вообще, а тут две недели – в лежку. И потом еще почти месяц ходить по стеночке и пошатываясь.

Болело – от ушей до пяток. Вроде бы уши в процессе и не участвовали, а поди ж ты!

И снизу болело особенно сильно. Варя о родах знала из интернета, но сильно подозревала, что ТАМ у нее могло и порваться, и... и что угодно! А вот как ее лечили – вопрос. Если даже руки в этом веке лекари мыли не ДО, а после больных. Понятно, она чуть не загинулась от родильной горячки.

Да и загинулась, собственно. Душа-то уже не та!

Тело, кстати, она оценила. Зеркала тут были, и не самые плохие. Жуткое сооружение с забавным названием «псише» отражало почти всю Варвару Ивановну¹⁰.

Варя была этим телом довольна. Рост чуть выше среднего, фигура – то, что можно назвать «кровь с молоком», бюст, попа, длинные ноги, при этом тонкая талия. Даже несмотря на роды – тонкая. Не хуже, чем у нее в той жизни было. Даже лучше, Варя в свое время мечтала о большой груди, а тут – получите. И лицо не подкачало. Глаза большие, карие, волосы шикарные, лицо чем-то похоже на то, что у нее было, но симпатичнее. Варя за время болезни похудела и сама себе весьма нравилась. Да, помоложе бы! Но берите, что дают, а то ведь могут и добавить с размаху!

Возраст?

Ладно-ладно, с возрастом намного печальнее. Телу было тридцать четыре года от роду. А это, простите, не двадцать и даже не двадцать пять. Но здоровье железное, зубы все свои и на месте, так что... плевать! Еще лет тридцать – сорок, а то и пятьдесят у нее впереди есть. А значит, надо предпринимать усилия заранее. Даже если тридцать лет плюс – это 1814 год. Наполеон испохабит ей последние годы жизни? Не пойдет! А если Варя дольше проживет? Если будут проблемы у ее детей? Не-не, так мы не договаривались! Варя хоте-

¹⁰ Официально псише появилось во Франции в середине XVIII века. У нас конец века, так что князь Прозоровский, известный мот, мог и заказать себе новинку. Или кровиночке.

лось жить хорошо. И она своего добьется!

Варя тщательно, по крупицам, собирала информацию

Попросила газеты и журналы, потом пришла к отцу и попросила еще раз. Чтобы папенька выписывал какую-никакую периодику, а то выезжать она никуда не может, а знать, что в мире творится, – хочется.

Слова она подбирала очень тщательно, просила умильно, опять же книжки – это не золото и не бриллианты, не платья и выезды, так что папаша согласился.

И Варя принялась читать. Читать, слушать, освоила науку подглядывания и подкрадывания, благо слуги между собой в людской разговаривали, и на кухне тоже, и просто, если выглянуть в окошко, можно много интересного услышать.

Главное было не показывать виду, если что, барыня тут не стояла, и не слушала, и ничего не слышала, просто мимо проходила. Или мимо крокодила? Неважно!

Картина получалась вполне приятная.

Женщины в этом времени и месте были вполне свободны. В рамках – как договоришься с мужем. А иногда и договариваться не приходилось. Вдовы были свободны в своих действиях, девушек, конечно, выдавали замуж, ну а замужние женщины...

Варя готова была долго смеяться над своим положением. Только смех получался сквозь слезы.

Оказалось, что муж с ней разводится из-за неверности, а отказывают ему потому, что это не причина для развода. Вот

если б «стрелки на полшестого» или безумие какое – другое дело. А неверность – ерунда!

Тут смех и начинается.

Сейчас, вот прямо тут, считалось, что если у женщины есть голова, то у нее обязательно есть любовник. А у мужчин, соответственно, любовница. А если нет – то почему? Ты что, урод(ина), что на тебя никто не позарился? Это было не только по Европе, эта зараза душевно добралась и до России. И чего удивительного, если Екатерина Вторая воспитана в европах, а там блуд – это образ жизни. Тут уж каков поп, таков и приход. Гуляли все. А князь Потемкин-Таврический, да, тот самый, не только был фаворитом императрицы, но и любовниц за собой возил. Даже в походы. И было их – легион. Так что Варвару (ту) можно было понять.

Все гуляют, и она гуляет. И что? Она ж мужу мешать не будет?

Это смех. А вот потом добавляются слезы. Потому что замужем Варвара оказалась именно за тем самым. Суворов был – тот.

И это ж надо умудриться, в местном борделе умудриться выйти замуж за единственного умного, серьезного, верующего мужчину с характером, который не понимал и не принимал супружеских измен!

Цинично говоря, вышла б местная Варвара замуж да хоть за того же Потемкина – устроились бы наилучшим образом. Да за кого угодно!!! Но нет! Надо ж найти было дочке-гуле-

не такую белую ворону? Любой другой, да даже Варенькин папашка местный, все бы отлично понял!

А этот – нет!

Вот как тут не взвыть с досады? Сама Варя и взвыла бы! Ну обидно ж!

Вот она бы за такого замуж пошла, а что? Не дурак, сам работает, зарабатывает, состоялся со всех сторон, изменять не будет, жену-детей любит... ладно! Жену – любил. Генерал, орденносец, и прочая, и прочая. Красота?

Для нее – да. А для ТОЙ Варвары – печалька. Гулять не дают! И получается она среди подруг, как белая ворона. Ну и...

Не только в воронах дело, а и в привычке к разнообразию.

Как Варя поняла, замуж эту тушку выдали аж двадцати трех лет от роду. И?

Найдутся идиоты, которые поверят, что в восемнадцатом веке Варвара Ивановна выходила замуж девочкой? Тут и без мужа начинали! И не стеснялись! А муж ей достался все больше по гарнизонам и баталиям, а ей, простите, и хочется, и можется, и все вокруг так делают.

А еще погулять хочется. А муж ее за собой в походы тащил!

Два выкидыша, как с куста! Этого-то малыша, боялись, скинет! Может, потому все и обошлось, что Варвара Ивановна почти всю беременность у папеньки в Москве просидела? Тихо и практически дома? Пара выездов не в счет, это ж по

городу, а не фиг знает куда? И Москва сейчас не столица, а захолустье. Столица – Петербург. Москва – тихий угол. Кое-какая жизнь тут кипит, но все равно, и дома пониже, и асфальт пожиже, и асфальта-то еще нет!

Так что...

Кто прав, кто виноват, судить не нам. Но вот развод – и ныне там.

Аркадия, кстати, Варя качала и тискала каждый день.

Ее сын.

Как же это странно!

Малыш открывал темные глазенки, пускал пузыри, кажется, даже узнавал маму. Хоть тут было все в порядке.

В остальном же...

Нет, до порядка там было грести и грести.

Отец Варвары продолжал переписываться с ее супругом, тот настаивал на разводе, а жить на что? А кушать что?

Для Вари, которая всю жизнь ни от кого не зависела и обеспечивала себя сама, это положение было реально ужасным. На повестке дня стоял вечный вопрос – что делать?

Чернышевский еще не родился, но кушать хотелось уже сейчас. А еще больше хотелось свободы и независимости. Так что Варя составляла планы и сама их браковала. И опять думала, думала...

* * *

Милая тетушка моя, Анна Васильевна!

Умоляю Вас поговорить с отцом!

Когда не желает он видеть меня в своем доме, не могли бы Вы забрать меня к себе? О, умоляю, тетушка, за что неповинная я томлюсь в этой обители? Девочки здесь злы и нещадно дерутся между собой за сладкий кусок или ласковый взгляд, за новую ленту... иногда мне кажется, что это место ненавистно мне и я готова выбежать в сад и кричать в голос! За что карают меня столь беспощадно?

Умоляю!

Заберите меня отсюда!

Я тут сойду с ума...

Племянница Ваша, несчастная Наташа!

Глава 2

Ах, этот веселый и роскошный восемнадцатый век.

Первое, что Варя решила, – пока сидеть тихо.

Она пока не освоилась в этом мире, она тут пока чужая.

Она приглядывается, она перед зеркалом копирует походку, разговор, манеру движений, она старается, но – не то! Ей просто повезло с отцом, скажем честно!

Папеньке уж семьдесят два года, по местным меркам возраст почтенный, образ жизни он вел весьма и весьма вольный, так что подагра, плохое зрение и отвратительный слух прилагаются. Характер, кстати, тоже паршивый.

С дочкой он как следует не общался последние лет десять, вот как замуж выдал, дочка то за мужем моталась черт знает куда, то детей теряла, то рожала... Характер? Привычки? Вкусы?

Нет, не знаю. Наверное, сладкое нравится. Или розовое... а, какая разница! Все они – БАБЫ! Так папенька к Варваре и относился. Вот и прекрасно.

Варя не наглела, но свою линию гнула аккуратно.

Знания, знания и еще раз знания. Свои у нее тоже есть, но... мало! Потому – журналы, газеты и книги. И пусть барин удивляется, лишь бы не мешал. А дворня... а, этим вообще все нормально. Варя не сразу и сообразила, а потом-то поняла! Они ее знали ДО брака. Вот нянька, та знала, но это

ж когда было! Раньше Варенька читать не любила? А сейчас полюбила? Ну... бывает!

Сына просит к себе приносить? А тоже, у кого и как проснется. Не удивишь дворню чудачествами, они и не такого навидались. Не бьют, не издеваются, не продают, разлучая семьи, – уже радость! Да-да, в местных газетах объявления были и о продаже людей. Наряду с прочими. К примеру, ребенка можно купить за пять – десять рублей, взрослого – тут в зависимости от возраста, талантов, умений, но рублей в триста можно уложиться¹¹.

Варе это не нравилось, но протестовать и собирать демонстрации, требуя отмены крепостного права, она не спешила. Декабристов вон кого повесили, кого сослали. Ее... интересно, дурдом здесь уже есть? Если что?

Монастыри точно есть. Или это уже не актуально?

Варе позарез нужны были деньги. И независимость. А еще – решить, что с ней делать.

Казалось бы, живи и радуйся? А где жить? К мужу нельзя, отец пока терпит, но это ж пока! Нужен свой дом! Ей кто-то его купит? Нет? Печалька!

На что жить?

Нужен доход, причем регулярный и стабильный, а его тоже нет. Где деньги-то взять? Их тут на площади не раздадут? Нет?

Снова засада. Работать местная аристократия не приуче-

¹¹ Источник – В. Семевский.

на. Кидаться в ноги императрице? А... чего просить-то? Даже если хотелки сформулировать, есть подозрение, что выдаст ей императрица большую и вкусную фигу. Кушай, дочка, и ни в чем себе не отказывай. Будь Варя мужиком и лет на десять помоложе, там бы другой вопрос, а у нее шансов нет. Опять вилы.

У мужа просить?

Варя откровенно опасалась.

Из книжных лавок она извлекла «Учреждение для управления губерний Российской империи», от 1775 года. И «Устав благочиния или Полицейский», от 1782 года. Прочитала честно, но...

Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло.

И все же, все же...

Варя обнаружила в себе интересную способность.

Писать это тело не умело. А вот рисовать... стоило задуматься и отвлечься, как перо чуть ли не само скользило по бумаге, рисуя то картинки, то забавные шаржи, то какие-то вензеля. Для швеи дело не последнее. Мало ж сшить! Надо еще нарисовать... попроситься к Екатерине в личные модельеры?

Нет.

Так и денег не заработаешь, и в зависимости от правительницы окажешься, и опять же, при дворе могут быть те, кто интимно знал Варвару, а ей оно надо? Себя Варя знала: как разъяснит политику партии, так зубы по углам собирать

придется. Рука у нее и в той жизни тяжелая была, и в этой, наверное, не хуже. Масса-то больше!

Еще и муж чего вытворит?

И деньги, деньги...

А ведь любые состояния сколачиваются во время потрясений. Кто-то считал, сколько у пламенных революционеров оказалось в разных банках после революции? Отдельных идиотов не считаем, их потом все равно прибили. Но те, кто выжил, рассчитывали жить не на одну зарплату, это точно.

А скоро грянет Великая французская революция...

Можно ли там наварить бабла?

Как – скоро? Пять лет? Да, пожалуй. Сейчас осень восемьдесят четвертого, тогда будет лето восемьдесят девятого. Точной даты Варя не помнила, но что лето – факт.

Возьмут Бастилию, учредят какое-то собрание, точно Варя не помнила, но Робеспьера, Марата и Дантона – шикарно! И даже то, что все трое плохо кончат, как и положено революционерам. Потом, кажется, будет террор, а потом, в девяносто девятом году, явится Бонапарт и поступит как лесник. То есть выгонит и тех и этих. Будет прокачивать Францию, потом, конечно, будет плохо и тем и этим...¹²

Хм-м-м...

А умный человек, да со знанием грядущего, пусть приблизительным, но есть ведь оно! Есть!

¹² Господам революционерам на заметку. История гласит – до финиша не добежал ни один революционер. Все заканчивали плохо.

Может ли Варя самую чуточку извернуться в свою пользу?
Чтобы сделать немного денег на революции?

Или... или даже ее подтолкнуть? Пусть грянет раньше, чего там пять лет-то сидеть?

Идея у Вари была! И шикарная! Но... первоначальный капитал нужен позарез! И нехилый! Несколько месяцев ей придется продержаться, а потом... потом только ее и видели!

А где, ГДЕ можно взять достаточно денег?

Варя поскакала в спальню и бодренько открыла шкатулку с побрякушками.

Нет. На это полноценную финансовую пирамиду не построишь. Не в это время. Даже клумбочку – и ту не исхитришься. И тут Варя вспомнила одну вещь... точно! Ведь читала же! И именно этот случай, говорят, послужил толчком для французской революции!

А ведь может получиться...

Если...

Если у нее будут надежные люди!

Сколько ей нужно?

Хм-м-м... человек десять. Хотя бы. Пара женщин и восемь мужчин. Но это должны быть реально люди, которые готовы сделать многое ради своей свободной и счастливой жизни. Но где таких взять? Ладно... это она придумает, а пока...

– Папенька, прошу вас уделить мне время.

Варя беседовала с отцом за ужином. Сегодня отставной генерал был не особенно в духе, но это бывает. С его подагрой-то...

– Чего тебе надо?

Батюшка увлеченно вкушал заливное и под вкусную еду готов был потерпеть даже дочь. Хотя...

Варя об этом не знала, но Иван Андреевич ожидал намного худшего. Дочь сидела тихо, скандалов не устраивала, обновок не требовала, занималась собой, сыном, никуда не выезжала, с отцом была неизменно почтительна и разговаривала вежливо. И чего еще надобно?

Могла ведь все нервы измотать, еще как могла! Что было, то было... ее похождения в девках папенька хорошо помнил.

А книжки... да пусть ее!

Или... началось?

– Папенька, муж мой сына признавать не торопится, хотя родила я от него и на том крест целовать могу.

– Угу...

Иван Андреевич испытующе посмотрел на дочь. Варя ответила ему таким же невинным взглядом.

От кого родила ее предшественница, она не знала. Но, согласно законодательству, если деточка родилась в браке, зна-

чит – отец тот, кто женат на маме. И вообще!

Плюс-минус пара недель сейчас – это не вопрос! Точных сроков никто не знает, а супружеские отношения не прекращались. Значит – сын!

А поклясться... да не вопрос! Хоть на кресте, хоть на серпе и молоте! Как бы это печально ни звучало, но... с чего бы Варя должна за чужие грехи платить? Если бонусов от ее положения – ноль и снова ноль? Нет уж!

Соврет и не покраснеет!

– Мужу твоему я о том отпишу.

Варя кивнула. И похлопала глазками.

– Заодно и о дочери моей умоляю, узнайте, папенька? Что с Наташенькой, как она? Болит душа...

Иван Андреевич, видя, что разорваться не придется, точку смягчился.

– Раньше б она у тебя болела. Ладно, отпишу, как есть.

– Папенька, умоляю и еще об одной малой милости.

И еще? Но – куда деваться!

– Папенька, сын мой неучем не должен вырасти. Может, кто знает подходящего учителя французского, чтобы мог с малышом с малых лет разговаривать?

Упс?

Иван Андреевич насторожился. Дочь выглядела невинно... она что? Нашла себе какого-то французика? И теперь хочет под видом учителя притащить в дом любовника?

– А ты никого не приглядела? Сама-то?

– Нет, папенька. Тут я всецело полагаюсь на ваш опыт, ваш здравый смысл: вы, как человек опытный, абы кого, с улицы, в дом не возьмете, – разлилась соловьем Варвара.

Иван Андреевич задумчиво кивнул.

Так-то это практиковалось. Конечно, учителей брали, когда ребенок станет постарше, но можно же и с младенчества, ничего страшного. Пусть учит, вот Варя говорит, что если малышу колыбельные на французском петь, стишки рассказывать... Может, и вообще какую даму нанять? Это точно не о любовниках.

– Напишу знакомым. Может, и посоветуют кого. У тебя точно никого на примете?

– Никого, папенька. А мужчине без образования никуда, если он карьер хочет сделать, – это нам, женщинам, лишнее ни к чему, наше дело дом вести да детей рожать.

Иван Андреевич окончательно смягчился.

– Отпишу и о том.

Варвара довольно улыбнулась.

Своей цели она достигла, остальное... будет! Любой путь начинается с первого шага, и сейчас она его сделала! Ну, не знает она французского, НЕ ЗНАЕТ!!! Английский – хорошо, немецкий немного, на уровне читаю – пишу со словарем, вот произношение ей не дается, на немецком только полками командовать хорошо и ругаться, а как все это выговаривать... брр! Язык ломается! А французского она не знает вообще! Не было возможности ему научиться в деревне!

Ничего!

Сейчас научится!

Сложно?

А вот и нет! Варя уже обнаружила, что у этого тела отличная память! Чуть ли не эйдетическая! Так что учиться для нее будет в удовольствие!

И женщина принялась горячо благодарить отца, восхваляя его мудрость и прозорливость. Иван Андреевич только радовался. Неужто дочка за ум взялась?

Хорошо бы!

* * *

Для нужного ей дела, вот прямо сейчас, нужны были люди.

Варя отлично это понимала. Минимум три-четыре мужика, крепких и умеющих обращаться с оружием. Желательно, не боящихся крови.

Вопрос.

Где их взять?

Хоть ты объявление на воротах повесь, так примерно девяносто процентов населения читать не умеют. Потому, кстати, и газет-то в империи маловато! Кто их выписывать будет? Подтереться – и то проще лопухом, уж простите. Физические увечья Варю не смутили бы, но...

Вот как?!

Просто – КАК?!

Выйти и орать на перекрестке? Ага-ага, насмешите людей!

Но... выйти?!

Варя задумалась и решительно приступила к отцу.

– Батюшка, грешна я, осознаю и каюсь.

Иван Андреевич на это и ухом не повел. Мало ли кто, так что? Не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасешься. В восемнадцатом веке эту премудрость знали не хуже, чем в двадцать первом.

– Батюшка, тошно мне, плохо...

– Дохтура позвать?

– Батюшка! На душе моей тяжело! Сходила б я к заутрене, может, легче стало бы?

А, вот это Иван Андреевич понимал. В Никольском у них церковь была, а вот в московском доме...

– Я не против, Степану скажи.

Степан Игнатьевич, управляющий, тоже против не был. Кажется, от Варвары ожидали чего-то похуже, чем поехать помолиться? А она – в церковь?

И карету заложили честь по чести, и мелочь ей выдали, Варя же заикнулась, что милостыньку подать надо, свечку поставить...

Варя даже попросила отправить с ней Матрену, ту самую бабу, которая ее выхаживала после «удачных» родов.

Управляющий, который получил от князя четкие указа-

ния, и сам был рад. Зато ясно, что барыня точно в церковь отправится, а не к любовнику.

Варя же была в замешательстве.

Ну... не бывала она толком в церкви! То есть вообще! А методички «для чайников» тут тоже не в ходу. Жития святых есть, но что с того толку? Как креститься, она знает, но когда? А когда кланяться? А что надевать?

Хотя...

Вопрос, что надевать, отпал сам, когда Варя увидела свои выходные платья.

Дома-то она ходила в домашнем: на ночную рубашку, правда дорогую и с кружевом, накидывался пеньюар, на волосы обычно надевался чепец из кружев, но его Варя решительно отвергла. Равно как и желание служанки сделать ей с утра прическу или на ночь накрутить волосы на папильотки. Вот еще не хватало!

Волосы у нее хорошие, прямые, толстые, чуточку жирноватые, но это поправимо, Варя уже распорядилась, крапива, ромашка, календула – все это есть, и здесь, и сейчас. Делать отвар и полоскать голову. Благо делать – не ей!

Но дома-то ладно, а как выйти на улицу? Это – не для движения, елки-иголки! Это когда ты на старинных портретах все это видишь, понятно, а когда на тебе? Когда вот он – корсет из китового уса, и не один, вот они обручи, которые надеваются под юбку, то есть каркасы из ивовых прутьев, вот само платье, вот...

Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы!

Варе захотелось завить белугой.

Платья висели в гардеробной, роскошные, расшитые золотом и серебром, отделанные бантами и кружевами... и двигаться в них было решительно невозможно!¹³

Варя посмотрела на все это роскошество и приняла серьезное решение.

Это надо будет продать! Или что-то... короче, вот в ЭТОМ она не ходец. Или не ходок. Оставить два платья на всякий случай, а себе заказать что попроще. Или приказать сшить?

Хм-м-м... а что она – сама не сможет?

Кстати, вопрос? А в походы она с супругом вот в этом ездила? Или что попроще надевала?

Каков вопрос, таков и ответ.

Наряды, которые Варвара привезла с собой, нашлись на чердаке. И это уже было намного приятнее. Юбки адекватные, без фижм, панье и фокю, нашлась и верхняя одежда, симпатичные курточки, карако – Варя с трудом, но опознала их. Потом приказала перетащить сундуки к себе в комнаты, лично подобрала несколько комплектов одежды, померила... да, пожалуй, в этом можно и в храм пойти. Подобрать подходящие головные уборы... И идите в лес с вашей

¹³ Кто не верит – сходите в свадебный салон, пусть на вас наденут самое шикарное платье, с корсетом и кринолином, а потом скромненько дойдите в нем до туалета. Или сядьте в машину. Или пройдите в дверь. Не умеешь в этом двигаться – взвоешь.

пудрой! Чтоб вы так сами жили!

Повезло – братья оба были в Петербурге, а отец сильно не интересовался, чем там доченька любимая занимается. С сыном возится – и пусть ее, главное, что денег не просит.

Платья старые разбирает – и пусть ее, лишь бы денег не трясла.

Жить-то Иван Андреевич привык широко, но сейчас уже ни сил не было, ни возможности! Так что...

Чем бы деточка ни тешилась, лишь бы ему неудобств не доставляла. И Варя собиралась этим воспользоваться.

Идея, которая созрела у нее, когда она узнала, какой сейчас на дворе год, захватила девушку с головой. Но для воплощения этой идеи ей еще и одежда нужна была подходящая. Так что Варя отобрала из старой одежды несколько платьев и посадила за шитье шесть девушек.

Пусть от домашней работы их временно освободить, а вот барыне сшить именно такое!

Не бывало?

Шей, что приказали, барыне на машкерад¹⁴ такое и надо!
И цыц!

Итак, церковь!

¹⁴ Не опечатка.

Варя и не рассчитывала, что с первого раза получится что-то хорошее. Сначала она ехала приглядеться, принять-ся...

Да-да, смердел прекрасный восемнадцатый век так, что иногда завывать хотелось. Платья, которые висели в гардеробной, их ведь стирать не полагалось! Это шелк, бархат, вышивка, кружево... стирать можно нижнюю рубаху, и ту с оглядкой, а вот те роскошные туалеты, которые стоят бешеных денег, их стирать не полагается. Пятьсот рублей, семьсот, некоторые стоили больше тысячи, и это не считая украшений, туфель, париков...

Варя слушала, и у нее волосы на голове от ужаса шевелились.

Похоже, ее предшественница была знатной мотовкой! Продав одно-два платья, можно без излишеств год прожить. Интересно, как это терпел ее супруг?

Святой человек!

Но с супругом переписывался отец, Варя в это пока не лезла. Вместо этого она отправилась сначала в одну церковь, потом в другую... повезло ей только на четвертый раз. В церкви Всех Святых на Кулишках.

Варя действовала уже почти привычно.

Выйти из кареты, взять кошелек для раздачи милосты-

ни... пусть копейка, пусть грош, но это кусок хлеба. Для нищего – еще один прожитый день.

Много это или мало?

Нет ответа...

Женщина шла к церкви, опуская монетки в протянутые ладони, за ней шел Матвей, крепостной мужик, которого навязал в сопровождение управляющий. Для чего?

Для защиты. Нищих у церкви много, кинутся все разом – плохо будет, так что Варя шла впереди, а за ней, многозначительно поигрывая кнутом, шел Матвей. Эдакий «славянский шкаф», два на два, там один кулак размером с дыню!

Варя внимательно вглядывалась не в протянутые руки – в лица. Сканировала взглядом толпу и вдруг выхватила что-то...

Молодая женщина стояла чуть поодаль, рука ее оберегала большой беременный живот. Потому она и не подошла в толчею к нищим. Понимала все, и взгляд ее был умоляющим, ей надо, **ОЧЕНЬ** надо, но... может, сил уже нет. Или надежды?

Варя повернулась к Матвею. Вопреки зверообразной внешности, ум у мужчины был достаточно острым. Достаточно было кивка, чтобы Матвей понял, кто ее заинтересовал, и взмахнул кнутом, прокладывая барыне дорогу.

Варя направилась к женщине.

Та стояла молча, потом поклонилась в пояс, покачнувшись, опустилась на колени. Кажется, дело не в почтительности,

бедолагу от слабости шатает... Варя внимательно ее разглядывала.

Платье грязное, кое-где рваное, но из хорошего полотна, это видно. Даже вышивка есть, хотя сейчас ее разглядеть сложно. Старая шаль, и не одна, волосы спрятаны, но женщина достаточно молода, может, ей лет двадцать – двадцать пять.

Лицо...

Лицо словно кистью нарисовано. Грязное, конечно, но Варя-то видела! И тонкие брови, и высокий лоб, и прямой нос, и красивые губы.

– Как тебя зовут?

– Дунькой кличут, барыня.

– Почто милостыню просишь? Муж запил?

По щеке беременной скатилась слезинка.

– Нет мужа, барыня.

– Другие дети есть?

– Нет деток других, барыня.

Варя сощурилась.

– Одна ты тут?

И по метнувшемуся взгляду поняла кое-что еще.

– Садись в карету ко мне.

– Барыня?

И опаска в голосе, страх в глазах... Варя подняла руку.

– Слово даю, пальцем тебя не трону, вреда не причиню, даже вот эту монету дам.

В пальцах сверкнул серебряный двугривенный. Женщина даже подалась вперед.

– Благодарствую, барыня...

А за этими словами так и слышится: «если не врешь». Но Варя не врала. Ей позарез нужны были СВОИ люди! И в этой девчонке она видела кое-что важное...

* * *

В этот раз служба тянулась как резиновая, но Варя нарочно пошла на этот шаг.

Пусть девчонка посидит в карете, пусть подумает. Когда все происходит спонтанно... сложно! Даже ей сложно, а уж беременной!

А если сбежит – тоже пусть. Варе нужны люди, готовые на риск. Вот она и проверит, и посмотрит! И заодно кое-что шепнула Матвею.

Мужчина ненадолго отлучился, потом вернулся к ней. Перекрестился, глядя на образа.

– Третьего дня она тут объявилась, одна, боится кого-то.

Варя кивнула и тоже привычно уже перекрестилась на ближайшую икону.

Послушаем саму девушку!

Дуня так и сидела в карете. Варя посмотрела на нее, покачала головой – и распорядилась править к ближайшему обжорному ряду, в котором Матвей и купил булку и квас, как

самое съедобное. Чего уж там, фастфуд в это время был «с душком» или «второй свежести». Авось и так сожрут, не बारे. И покупали, и ели, но для беременной такое не слишком-то хорошо, и так не было б плохо с голодухи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.